

ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРПИМОСТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: УРОКИ МОЛДОВЫ

Based on statistics and archive material the article is focused on ethnic tolerance of the population, mainly Ukrainian, in Medieval Moldova and Bessarabia before the revolution.

Стаття написана на основі статистичних даних та архівних матеріалів; присвячена етнічній толерантності місцевого населення, передусім українського, у середньовічних Молдові та Бессарабії напередодні революції.

2009 год в Республике Молдова отмечался как год 650-летия образования Молдавского государства. Бурная многовековая история Молдовы — свидетельство многотрудной судьбы молдавского народа, края, находящегося, по свидетельству летописца, «на пути всех бед». Жестокая борьба за независимость, вассальная зависимость от польской короны, турецкое нашествие, фанариотский гнет, расчленение страны, тяготы двух мировых войн, наконец, долгожданное обретение утерянной независимости — вот лишь основные вехи пройденного пути.

Нисколько не умаляя многих достоинств, присущих молдавскому народу, справедливости ради можно сказать, солидаризуясь с известным отечественным историком права, что одной из главных составляющих, позволивших преодолеть поистине неисчислимыя беды и трудности, выпавшие на долю этого края, была, есть и будет «атмосфера этнической терпимости, уважения и взаимного понимания между людьми разных национальностей, характерная для нашей страны, — явление историческое, признак высоких нравственных качеств народного большинства. Так было с начала начал земли Молдавской...»¹.

Отечественные летописцы упоминают много народов, живущих в Молдавии вместе с молдаванами, которые трудились и защищали в единстве с коренными жителями страны стародавние рубежи края. На севере республики и сегодня процветает городок, название которого пошло от татар-липкан, поселившихся здесь в незапамятные времена, служивших в войске молдавских воевод. В Кишиневе, столице нынешней независимой Молдовы, долго сохранялись старинные названия улиц: Арнаутская, Еврейская,

Греческая; еще остались Армянская и Болгарская. Одна из улиц получила название «Романо» (Цыганская).

Известно, что дружеским расположением к «иноверцам» и «инородцам» отличались самые выдающиеся среди молдавских господарей. Александр Добрый (1401–1433) приютил в своей вотчине многочисленные общины чехов-гуситов, спасавшихся от преследований со стороны католических властей Богемии. В годы его правления и позднее жили, занимались ремеслами и торговлей греки, венецианцы, генуэзцы, немцы, русские, поляки и многие другие «инородцы». Документ от 1574 года устанавливает факт проживания евреев в Молдове еще в правление Романа I (1391–1394) и упомянутого Александра Доброго. Оба эти правителя дали евреям хризобуллы (греч. букв. «золотая печать», тип византийских грамот), предоставлявшие им право повсеместного жительства, а также некоторые другие льготы². Цыгане стали расселяться в молдавском княжестве с XV столетия.

Исторические хроники свидетельствуют, что в правление самого известного молдавского господаря Штефана Великого (1457–1504) «в Сучаве, тогдашней столице Молдовы, были евреи, торговавшие рогатым скотом. У Стефана при дворе был, в качестве интенданта, еврей Исаак бен Вениамин Шор, который был возведен в звание логофета»³. В армии господаря Штефана Великого сражались трансильванцы-секуи, венгры, немцы, поляки, татары, чехи. Пожалуй, нельзя не разделить удивление известного историка права Андрея Галбена о том, почему поистине гигантская фигура этого государя до последнего времени не привлекала внимания корифеев мировой исторической науки. «Во все учебники мира, — сетует А.Галбен, — включены сражения европейских императоров, королей и герцогов с участием полтора или двух сотен рыцарей, карликовые баталии, похожие более на турниры; тогда как битва у Высокого Моста, в которой 40000 воинов Штефана разгромили 120 000 турок, не упоминается почти нигде. А ведь можно с уверенностью утверждать, что, если бы эта победа не состоялась, судьба Старого Света, до самой Атлантики, оказалась бы совсем другой. Отразив два небывалых нашествия султана Мухаммеда, завоевателя Константинополя, Штефан Великий фактически пресек самое мощное наступление Османской империи на Европу в момент его наивысшего ударного порыва, преломив развитие событий, угрожавших самому существованию Запада...»⁴. Несомненно, что решающую роль в отражении

османского нашествия сыграло единение многих «племен, населявших тогдашнюю Молдову», и христианская солидарность воинов — «инородцев» его войска.

Документы свидетельствуют, что население Молдавии, особенно ее восточной части (в междуречье Прута и Днестра) долгое время оставалось незначительным. В 1421 году из Львова через Каменец-Подольск к Белгороду путешествовал французский посол Жильбер де Ланоя. В своих записях он отмечает пустынный характер края. По выезде из Каменец-Подольска, пишет он, «... я отправился по Малой Валахии (так он называл Молдавию. — В. А.) через большие пустыни...». После встречи с господарем Александром Добрым где-то в центре страны он получил проводников, охрану и поехал к Белгороду снова «... через большие пустыни...». Защита рубежей молодого государства требовала заселения этого края и не только коренными жителями, но и «инородцами» и «иноверцами».

Население страны состояло главным образом из молдаван. Кроме них повсюду, особенно на севере, проживали русины (по местному — руснаки), или малороссы. Еще в XVII веке летописец Григорий Уреке отмечал существование в Молдавии украинских сел: «...до сих пор живет в Молдавии русский (украинский. — В. А.) язык...». Правда, этот летописец ошибочно полагал, что эти украинцы были потомками насильно переселенных сюда военнопленных. По всей стране были рассеяны цыгане и татары⁵.

Пеструю многонациональную картину современной ему Молдавии отразил в своем известном труде господарь Дмитрий Кантемир (1673–1723). «Мы полагаем, — пишет он, — что вряд ли в каком другом государстве, заключенным в столь тесных границах, как Молдавия, живет столько разных народностей.

Кроме молдаван, большинство которых пришло из Марамуреша, его населяют греки, албанцы, сербы, болгары, поляки, казаки (читай украинцы. — В. А.), русские, венгры, германцы, армяне, евреи и плодовиые цыгане. Греки, албанцы, сербы и болгары живут свободно и занимаются здесь отчасти торговлей, отчасти служат в войске господаря на жаловании. Германцев, поляков и казаков немного, и они бывают либо воинами, либо слугами при дворе; некоторые из поляков нередко достигают даже боярского звания, армяне считаются подданными господаря и платят ему те же налоги, что и остальные граждане и торговцы в других городах и местечках Молдавии, наравне с католиками имеют свои

церкви, достаточно большие и не менее богато украшенные, чем православные храмы, где свободно исполняют свои обряды, евреи также рассматриваются как подданные государства и должны платить ежегодный денежный налог, но более высокий, чем обычно; кроме торговли и шинкарства ничем другим не занимаются; могут иметь свои деревянные синагоги, но не каменные, русские и венгры в Молдавии обречены на постоянную неволю, цыгане рассеяны по всему государству... Очень много турок занимается торговлей в Яссах и других городах...»⁶.

Особенно многонациональным составом населения отличались города и крупные населенные пункты Молдавии. К сожалению, данные о численности горожан Молдавии в конце XVII — первой половине XVIII столетия не сохранились. Единственными источниками изучения динамики населения отдельных городов в первой половине XVIII века являются записи иностранных путешественников М.Бандини (1646 г.), Б.Бассети (1643 г.), Э.Челеби (1656 г.), которые, несмотря на субъективность восприятия, по свидетельству современных исследователей, все же сумели отразить общую тенденцию развития населения молдавских городов⁷. Численность горожан увеличивалась главным образом за счет естественного прироста, а также возвращения сбежавших (от грабежей татар, налоговых поборов и т.д.) и перемещения части сельского населения.

Известно, что в 60-х годах XVIII века в города Молдавии на постоянное место жительства переселялись отдельные жители Украины. Например, в мае 1774 года казацкий сотник Н. Григорьев показал на допросе, что он «уроженец малороссийского Переяславского полку слободки Бучушкарой ... а назад тому лет семи пришел из Запорожья в Молдавию в местечко Сороку и тамо женился на молдаванке»⁸. Обнаруженные до сегодняшнего дня источники отмечают, что в XVII столетии в молдавских городах проживало «много иностранцев». В частности, в Бакэу, Хуше селилось значительное количество венгров, в Котнарах и Байе — немцев⁹. В XVIII веке наблюдалась тенденция ассимиляции иностранцев¹⁰.

Значительный удельный вес среди горожан-инородцев принадлежал армянам, грекам, евреям. Несмотря на то, что после 1671 года немалая часть, в частности армян, покинула Молдавию и переселилась в Трансильванию, в конце XVII — первой половине XVIII века представители этой нации были в Яссах, Ботошанах, Романе, Фокшанах и других городах. В сороковых годах XVIII сто-

летия по мере восстановления экономики городов в княжество возвращались из Турции отдельные группы армян, которые селились в основном в Ботошанах. Много армян было зарегистрировано в материалах переписей 1772–1773 и 1774 годов. В конце XVII — первой половине XVIII века в городах Молдавии возрастал удельный вес турецких и особенно греческих купцов из Стамбула, Силистрии, с островов Корфу, Хиос, Крета и др.¹¹

Особо следует остановиться на пребывании в молдавских городах турок. Известно, что еще в начале XIX века такие крупные города, как Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия, Измаил непосредственно подчинялись туркам. В них стояли турецкие гарнизоны, да и населяли их главным образом турки. Так, в Хотине в 1807 году насчитывалось 697 турецких домов, 216 еврейских, 169 молдавских, 18 армянских и 4 греческих¹². С окончанием русско-турецкой войны 1806–1812 годов, согласно условиям Бухарестского мирного трактата, турки покинули территорию Бессарабии.

Разумеется, отношение господарской власти к представителям «инородцев» и «иноверцев», проживающих в Молдавском княжестве, не всегда оставалось доброжелательным. Например, господарь Стефан Молодой при заселении страны жителями Галиции отдавал предпочтение христианам, даруя им всевозможные льготы. При Петре Рареше уже начались правовые ограничения евреев, у которых, как и у армян, стали отбирать лошадей. В 1579 году Петр Хромой изгнал евреев из Молдавии, однако при Стефане Томше 11 (1612) они снова стали селиться в стране. Некоторые ограничения в отношении «иноверцев» ввел господарь Василий Лупул. В середине XVII столетия часть «иноверцев» вынуждена была эмигрировать из Молдавии в связи с участвовавшими под влиянием казацкой вольницы случаями физического насилия и грабежа¹³.

В упомянутой выше книге господара Димитрия Кантемира сообщаются некоторые другие подробности ущемления «иноверцев» и «инородцев»: «... русские и венгры в Молдавии обречены на постоянную неволю», «...нет почти ни одного боярина, который бы не владел несколькими цыганскими семьями...»; евреи... «могут иметь свои деревянные синагоги, но не каменные»; туркам, занимающимся торговлей в Яссах и других городах, «не дозволено покупать землю в собственность или дома в каком-нибудь городе или селе. В особенности им запрещено строить храмы или совершать публично моления по их иноверным верованиям, и Оттоманская

порта никогда не настаивала, чтобы молдавские господа разрешили им это. О если бы так оставалось всегда!»¹⁴.

Объективности ради следует отметить, что во времена правления отдельных господарей-фанариотов (Григорий Гика, Николай Маврокордат), всячески ущемлялись и права представителей коренного населения — молдаван (бояр, служивых людей и др.). К примеру, известный молдавский летописец Ион Некулче даже обвинял господаря Григория Гику в том, что он «много греков привел в страну, поедавших жалованье из казны, и сколько служб порубежных было, всех их греки занимали, а местные бояре были только по названию, ибо ни о чем он их не спрашивал», «...а местные бояре никуда пробиться не могли, все доходные должности были захвачены греками»¹⁵.

После присоединения части Молдавского княжества (т.н. Бессарабии) к России (1812 г.), территория Прутско-Днестровского междуречья, получившая статус области, значительно «потерялась» в количественном отношении: этот край был слабо населен и, кроме того, уступал запрутской Молдове и по полиэтническому составу населения. Однако это отставание было недолгим. Южная часть края, так называемый Буджак, стала усиленно наводняться колонистами — «задунайскими переселенцами» (болгарами, гагаузами, греками), а также немцами, французами и представителями других народностей. В северную, восточную и центральную часть края, на свободные земли целенаправленно переселялись жители ряда центральных, а также соседних с Бессарабией губерний, особенно Подольской, Волынской, Херсонской и др. Наводняли малонаселенные части края и беглые люди, покинувшие родные места по религиозным соображениям (раскольники и т. д.) и по причине безземелья.

В результате, за счет переселенцев и естественного прироста за какие-нибудь два десятилетия население Бессарабии более чем удвоилось. По-прежнему интернациональными и поистине стремительно развивающимися по количеству жителей оставались города. Так, уже в 1818 году в главном городе области Кишиневе по переписи было установлено, что здесь проживало 30% молдаван, до 30% евреев, 20% — болгар, 7% — русских, 3% — армян, 3% — цыган, 2% — сербов, один процент греков, 0,6% — немцев¹⁶.

Представляется, что исследователям будут интересны данные, касающиеся национального состава и динамики украинского населения в бессарабских городах ныне находящихся в составе Украи-

ны. В XIX столетии основу национального состава практически всех двенадцати городов Бессарабии составляли представители молдавской, еврейской, русской, украинской и болгарской народностей. Разумеется, в этих городах проживали и представители других народностей (армяне, греки, поляки, цыгане и др.), но в гораздо меньшем пропорциональном отношении.

Сравнительные данные за 1844 и 1897 годы свидетельствуют о положительной динамике роста удельного веса украинского населения среди жителей-горожан, в частности Измаила (соответственно — 25,7 и 37,0%), Аккермана (ныне Белгород-Днестровский) — 34,5 и 53,0%, Хотина — 15,1 и 21,0%. Килии — 20,0 и 40,0%. Наконец, по данным всероссийской переписи 1897 года 39,8% жителей портового города Рени составляли украинцы¹⁷. Преобладающая численность украинского населения в указанных и других городах и селах сохранялась и многие десятилетия спустя, что стало веским основанием при образовании впоследствии Молдавской ССР положительно решить вопрос о присоединении районов с компактным проживанием украинцев в состав Украины (40-е годы XX в.).

Представляется, что для расширения традиционных рамок трактовки понятия «толерантность» полезно ретроспективно рассмотреть взаимоотношение различных этносов, проживавших в северной части бывшей Бессарабской губернии в конце XIX — начале XX столетий, обращая при этом особое внимание на практическое взаимодействие представителей многочисленных этносов в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Это тем более представляет интерес в связи с тем, что значительная часть севера бывшей Бессарабии ныне находится в Украине.

То обстоятельство, что состав населения севера Бессарабии, как и всего края в рассматриваемый нами период, являлся полиэтничным — факт бесспорный. Нелишним будет привести документальное подтверждение этому. Итак, что же представляло собой население тогдашнего Хотинского уезда, занимавшего большую часть севера Бессарабской губернии и непосредственно примыкающего к Карпато-Днестровскому региону? Из более чем трехсот семи тысяч человек населения уезда большинство (75%) составляли русины, затем молдаване, малороссы (выходцы с Украины), евреи и великороссияне (русские)¹⁸.

Следует подчеркнуть, что Хотинский уезд в обозреваемое нами время занимал первое место в крае как по абсолютной численности

населения, так и по его плотности (87,8 человека на одну квадратную версту). К тому же заметим, что к концу XIX — началу XX в. миграционные процессы в целом потеряли свою актуальность и состав населения, в частности, в северной части губернии, стабилизировался, и его колебания определялись за счет естественного прироста и убыли.

Для определения интенсивности межэтнических контактов полезно обратиться к составу жителей отдельных населенных пунктов Хотинского уезда. Однако надо заметить, что по национальному составу сельское население было более однородным. Так, в местностях, примыкающих к припрутской зоне уезда, преобладало молдавское население, а в селениях прикарпатской зоны — русины. Гораздо более пестрым был состав населения в уездном центре — городе Хотине и в местечках. Например, в Хотине наряду с русинами и малороссами проживали молдаване, поляки, армяне, чехи, греки, татары, турки, цыгане и представители других народностей. Значительное число (51%) всех жителей составляли здесь евреи. Кстати, еврейские общины преобладали в местечках Бричаны, Единцы, Липканы, Новоселицы и Секуряны. Немало евреев проживало в селениях Болбока, Волошково, Клишковцы, Непоротово и др.¹⁹ В местечке Липканы помимо евреев и молдаван (500 человек) проживали армяне и 60 семейств цыган. В местечке Атаки преобладали еврейская и молдавская общины и т.д.

Вряд ли большинство из бессарабских «северян» могло бы объяснить такое понятие, как толерантность, трактуемое сегодняшними современниками как «выдержка, умение проявлять терпимость к чужим мнениям, убеждениям, привычкам и обычаям, отличающимся от собственных»²⁰. По большому счету вся жизнь наших предков «подвигала» их к терпимости, независимо от их этнической, религиозной и профессиональной принадлежности.

Одной из основных, жизненно необходимых граней толерантности являлось усвоение «государственного» (русского) языка, который изучался в начальных школах, а также в уездном училище. На протяжении многих лет русский язык и словесность оставались одним из главных предметов в стенах хотинских четырехклассных мужской и женской гимназий. Причем среди учащихся были представители практически всех этнических групп, проживавших на территории уезда. Несомненно, облегчению обучения местного населения русскому языку помогли книги, изданные протоиереем Михаилом Чакиром и Павлом Чудецким²¹.

Кроме того, усвоению русского и других языков способствовало постоянное и тесное общение населения в повседневной жизни. На этот счет уместно привести выдержку из труда известного русского и украинского писателя, публициста и этнографа Александра Степановича Афанасьева-Чужбинского «Очерки Днестра», исследовавшего во второй половине XIX в. частично север Бессарабии. «Проезжая через местечко Атаки и проживая в нем, — пишет путешественник, — я заметил одно, что тамошние молдаване, от непрерывных сношений с руснаками и евреями, отличаются немало от своих соплеменников, живущих в глухих деревнях, и более или менее говорят по-русски...»²². Конечно, трудно сказать, насколько владели языком коренного населения носители русского языка — военные, чиновники и те же старообрядцы-раскольники, осевшие здесь. Так или иначе, но повседневный «билингвизм» существовал и развивался. Взаимопроникновение разных языковых культур продолжалось. Наибольших успехов в овладении языками добивались торговцы, перекупщики, шинкари, как правило, евреи, армяне, греки. О себе же А. Афанасьев-Чужбинский писал, что при встрече «лицом к лицу с молдаванским населением» он «не в первый раз испытал неудобство незнания языка»²³.

Вряд ли можно кого-то удивить сегодня фактом, что представитель определенного этноса считает своим родным языком язык другого народа. И в рассматриваемом нами периоде такие примеры имели место. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты Первой всеобщей переписи населения 1897 г. При сопоставлении результатов переписи по Хотинскому уезду «по вероисповеданию» и «по родному языку» видно, что из зафиксированных нескольких десятков представителей, например, армянской национальности григорианского и римско-католического вероисповедания, далеко не все назвали армянский язык родным. То же касается отдельных представителей белорусской, чешской, сербской, татарской, финской и других народностей²⁴. Возможно, решающую роль здесь сыграло длительное проживание нескольких поколений данных этносов на территории Бессарабии. Не трудно предположить, что родным языком значительная часть представителей разных национальностей назвала русский язык, который на территории огромной империи выполнял функцию языка межнационального общения.

Еще более интересные представления о владении русской грамотой, языком и другими языками можно извлечь из данных переписи

по Хотинському уезду о распределении населения по родному языку, грамотности и возрастным группам. Так, на первой позиции в абсолютных цифрах в возрастной группе от 20 до 39 лет, как по «грамотности по-русски» и знанию других языков, находятся представители еврейского населения, на второй позиции — молдавского и на третьей — польского обществ²⁵. Такая же картина характеризует и старшие возрастные группы.

Хотинский уезд «старой» Бессарабии, как, впрочем, и другие уезды края, отличался большим многообразием вероисповеданий. И в этом состояла еще одна немаловажная грань толерантности, а именно — религиозной толерантности. В литературе обозреваемого периода практически не найти упоминаний о бытовавшей в то время конфессиональной вражде. Названная выше перепись 1897 г. свидетельствует, что в тогдашнем Хотинском уезде насчитывалось более 250 тыс. жителей православного, почти 48 тыс. иудейского, свыше 3,2 тыс. римско-католического, более 2,2 тыс. старообрядческого, шесть десятков армяно-григорианского и армяно-католического и столько же магометанского вероисповедания²⁶. В городе Хотине действовали три православных церкви, одна католическая часовня, армяно-григорианская церковь, синагога и шестнадцать еврейских молитвенных домов. Две православные церкви и синагога функционировали в местечке Липканы, церковь, синагога и три еврейских молитвенных дома — в местечке Атаки. Подобные религиозные святыни существовали во многих других многонациональных населенных пунктах уезда.

Сближению местного полиэтничного населения способствовали проведение религиозных и иных праздников, свадеб при смешанных браках, усвоение навыков ведения домашнего хозяйства соседей, деловые контакты и многие другие формы общения. Официально не воспрещался переход верующих из одной религии в другую. Особенно важным для православной церкви был переход иноверца в ее лоно. Известно немало фактов окрещения в православную веру местных купцов, фабрикантов и заводчиков²⁷.

Разумеется, эффективным средством сближения представителей разных этносов являлась их совместная учеба в начальных и церковно-приходских школах, духовном (в частности, Единецком) училище, в Хотинских четырехклассных мужской и женской прогимназиях. Известно, что только в 1900–1901 г. в трех двухклассных народных училищах (в т. ч. в одном в г. Хотине), 56 одноклассных и ремесленной школах Хотинского уезда обучалось

3485 учащихся, из которых 2088 русских и малороссов (русинов), 1177 молдаван и 220 евреев²⁸.

Усвоению уроков толерантности, без сомнения, способствовали благотворительные акции (лотереи, концерты, «доброхотные» пожертвования имущих людей и т. д.). В конце 60-х г. XIX столетия в местечке Единцы не без помощи крупной помещицы Софьи Козициной открылась начальная школа с отделением для девочек (в то время большая редкость). Многие годы помещица выделяла средства на содержание учителей, священника и школьной библиотеки. Она же позднее субсидировала возведение нового здания школы. Супруг помещицы Петр Козицин оказывал продолжительное время материальную помощь другим школам в местечке. Место для строительства церковно-приходской школы и большую сумму на ее возведение выделил близкий родственник Софьи Козициной — Р. Козицин²⁹.

Пожалуй, известнейшим меценатом и благотворителем конца XIX — начала XX в. являлся крупный помещик Хотинского уезда Константин Федорович Казимир, потомок знатного польского рода. Активный общественник, прекрасный хозяйственник, помещик-филантроп, он на собственные средства основал в родовом имении Васкоуцы больницу, школу, детский сад, больницу и школу садоводства в поместье Чернолеука, сельскохозяйственную школу в Гринауцах, библиотеку в Единцах. Для приобщения к образованию способных детей из небогатых семей и сирот для К. Казимира, как говорится, не было «ни эллина, ни иудея». Он тратил огромные средства (до ста тысяч рублей ежегодно) на погашение платы за обучение своих стипендиатов, обучавшихся в различных учебных заведениях края, империи и за границей. После его скоропостижной смерти (1910 г.) высокое дело мецената и филантропа достойно продолжали его брат и сестра — Владимир и Екатерина Казимир³⁰.

Таким образом, можно заключить, что взаимоотношения различных этносов, проживавших в припрутско-карпатском регионе, складывались весьма позитивно, и их взаимодействие затрагивало практически все сферы человеческой деятельности и духовной жизни.

Современная независимая и суверенная Республика Молдова продолжает оставаться полиэтничным государством. Бурное общественное движение в Молдавии, начавшееся на рубеже 80–90-х годов XX столетия, представляло собой в том числе и протест против нивелирующей национальной политики, породило

своеобразный «национальный ренессанс» не только у коренных жителей — молдаван, но и у представителей многих народностей, веками живущих в Молдове (Бессарабии). По сути дела, полиэтничность, доставшаяся современной Молдове, является богатым историческим наследством от предыдущих поколений.

Уже в первые годы обретения независимости, отвечая на запросы национального возрождения, первый президент страны Мирча Снегур подписывает указы о развитии национальных культур украинцев (1991), русских (1991), болгар (1992), евреев (1992), цыган (2001). Принятые парламентом законы «О функционировании языков на территории Республики Молдова» (1989 г.), «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций» (2001 г.), а также Стратегия национальной политики и другие законодательные акты стимулируют участие представителей всех народностей в реализации своих прав в области социально-экономической и политической жизни, развитии национальной культуры и образования. В настоящее время в республике успешно функционируют 97 зарегистрированных этнокультурных обществ и ассоциаций.

Координирует деятельность этнокультурных обществ Бюро межэтнических отношений при правительстве страны. Традиционными стали ежегодные этнокультурные фестивали в столице республики Кишиневе. По каналам республиканского радио и телевидения транслируются специальные передачи на украинском, болгарском, гагаузском, еврейском (идиш), цыганском и других языках. Укрепляется материальная база образования на национальных языках, в том числе и украинском. Вместе с тем следует признать, что не все требования современного развития нацменьшинств находят должный отклик в коридорах власти, что затягивает решение многих насущных проблем (укрепление позиции языка межнационального общения, участие представителей нацменьшинств во всех структурах государственного управления, обновление ряда соответствующих законов и т. д.).

Разумеется, существует проблема сохранения национальных языков, в том числе и украинского. Согласно переписи населения 2004 года (без районов Приднестровья и муниципия Бендер) в правобережной Молдове проживают 282,4 тыс. украинцев (8,4% всего населения). Между тем только 180,9 тыс. из них назвали украинский язык родным. Для почти 90 тыс. украинцев родным языком является русский, для более 10 тыс. — молдавский (румынс-

кий)³¹. Более компактно проживающим и многочисленным украинское население остается на территории самопровозглашенной Приднестровской молдавской республик (ПМР).

В целом, однако, можно констатировать, что процесс возрождения национальных культур, их взаимодействие и духовное обогащение продолжается. Все большее число граждан страны убеждается в том, что все предлоги для вражды между людьми надуманы. В этом надежный залог сохранения и укрепления молдавской государственности и процветания национальных культур.

---

¹ Галбен А. Во имя нашего единства // Независимая Молдова. — 2001. — 31 января.

² Еврейская энциклопедия. — Т. XI. — СПб. — С. 217.

³ Там же.

⁴ См.: Галбен А. Указ. соч.

⁵ Мохов И.А. Формирование молдавского народа и образование молдавского государства. — Кишинев, 1964. — С. 74.

⁶ Кантемир Димитрий. Описание Молдавии. — Кишинев, 1973. — С. 147, 148.

⁷ См.: Кокырла П.С. Социально-экономическое развитие молдавского города в конце XVII — нач. XIX в. — Кишинев: Штиинца, 1989. — С. 100, 101.

⁸ Цитир. по: Кокырла П.С. Указ. соч. — С. 103.

⁹ Там же. — С. 106.

¹⁰ Там же.

¹¹ Кокырла П.С. Указ. соч. — С. 106, 107.

¹² Молдаване: очерки истории, этнографии, искусствоведения. — Кишинев: Штиинца, 1997. — С. 213.

¹³ Еврейская энциклопедия. — Т. XI. — С. 217.

¹⁴ Кантемир Димитрий. Описание Молдавии. — С. 146, 147.

¹⁵ Руссев Е.М. Ион Некулче. — Кишинев, 1984. — С. 74.

¹⁶ Национальный архив РМ. — Ф. 2, оп. 1, д. 554, л. 2.

¹⁷ Национальный архив РМ. — Ф. 2. оп. 1. д. 4126, л. 156; Записки Бессарабского стат. комитета. — Т. 1. — С. 91; Перепись населения 1897 года. — С. 21.

¹⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Т. 74. — СПб. — С. 589.

¹⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Т. 6. — СПб., 1896. — С. 607; Т. 34. — СПб., 1896. — С. 722; Т. 74. — СПб. — 1903. — С. 588–590; Еврейская энциклопедия. Т. 1. — СПб. — С. 17; Т. 7. — С. 492; Т. 15. — С. 662 и др.

²⁰ См.: Политическая энциклопедия, в 2-х тт. — Т. 2. — М., 2000. — С. 504.

²¹ См.: Чакир М. Русско-молдавский словарь. Русеск ши молдовенеск кувынтельник. — Кишинев: Епархиальная типография, 1907; Его же. Помощник молдаван по первоначальному изучению русского языка. Ч. 2–3. — Кишинев, 1914; Чудецкий П. Родной язык. Обучение механическому чтению и письму. Вып. 1. — Кишинев: Типография архиерейского дома, 1880 и др.

²² Афанасьев — Чужбинский А.С. Днестр и Приднестровье. Очерки Днестра. — СПб., 1863.

²³ Там же.

²⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Ч. III. Бессарабская губерния. — СПб., 1905. — С. 68, 69, 70–73.

²⁵ Там же. — С. 94–98, 114–115.

²⁶ Там же. — С. 68, 69.

²⁷ Национальный архив РМ. — Ф. 6, оп. 10, д. 321 и др.

²⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Т. 74. — СПб., 1903. — С. 590.

²⁹ Localitățile Republicii Moldova (Населенные пункты Республики Молдова). Vol. 6. — Chișinău, 2006. — P. 164, 165.

³⁰ Подробнее см.: Аникин Владимир. Казимиры // Новое время. — 2001. — 19 января.

³¹ Перепись населения. 2004. Статистический сборник Республики Молдова. — Кишинэу, 2006. — С. 300, 301.